

ТАЙНА ГИБЕЛИ ХАРЬКОВСКОГО ПОДПОЛЬЯ

(Взгляд из XXI века)

У входа в главный корпус университета (ул. Артема, 44) на стене висит мемориальная доска, на которой написано: «В цьому будинку в 1934 — 1941 рр. працював Герой Радянського Союзу Бакулін Іван Іванович, секретар

Харківського підпільного обкому партії в роки Вітчизняної війни».

Совет ветеранов университета обратился к нам с просьбой рассказать об Иване Ивановиче Бакулине, о том, как и почему погибло харьковское подполье.

Иван Иванович Бакулин родился в 1900 г. на Дону, недалеко от Новочеркасска в бедной крестьянской семье. После окончания народной школы и Михайловского начального училища он поступил в Новочеркасский учительский институт, но из-за отсутствия средств его не закончил. Лишь в 1918 г. он экстерном сдал экзамены на звание учителя. Последующие 16 лет он работал сельским учителем, зав. профтехшколой на Донбассе и директором сельскохозяйственного техникума в Харьковской области.

В 1931 г. И.И. Бакулин окончил физико-математический факультет Харьковского института социального воспитания, и в 1934 г. начал работать на кафедре математики Харьковского сельскохозяйственного института — вначале в качестве ассистента, а затем доцента. Здесь он увлекся научными исследованиями, работал над темой диссертации «Применение математико-статистического метода для вычисления запасов растительного сырья». Активно включился он и в общественную работу. Был избран председателем профбюро, а в 1939 г. — секретарем партбюро института. Товарищи по работе вспоминали о нем, как о человеке простом, честном, справедливом, не любившем чванство, администрирование и болтовню. Дмитрий Полянский, бывший перед войной секретарем комсомольской организации сельхозинститута (впоследствии известный партийный деятель, министр сельского хозяйства СССР), писал: «Как сейчас вижу и всегда буду помнить этого человека — скромного, выдержанного, чрезвычайно трудолюбивого, ненасытного к знаниям. О его трудолюбии и высокой образованности можно было судить хотя бы из того, что он на разных факультетах института в одном семестре читал высшую математику и физику, а на четвертом курсе рабфака — историю партии и историю СССР».

Жена его — Клавдия Ивановна, также в прошлом школьный учитель, вспоминала, что Иван Иванович любил шахматы; не имея музыкального образования, играл на скрипке; часто читал художественную литературу.

О характере этого человека, о его душевных качествах свидетельствует письмо, направленное И. Бакулиным жене из Харькова 19 октября 1941 года (за неделю до оккупации города немцами).

«...Пока пишу тебе письмо или заполняю на твоё имя телеграфный бланк, — кажется, будто в самом деле разговариваю с тобой, и на душе становится легче. Почти двадцать лет совместной жизни наложили неизгладимый отпечаток. Хочется верить, что мы все еще встретимся и будем жить вместе. Но если случая будет угодно нам расстаться навеки, сохрани, дорогая Клава, обо мне воспоминание, как о человеке абсолютно честном к своему долгу перед Родиной, перед народом. Всегда и неизменно я был правдив и честен также по отношению к тебе.

Я ни в чем не нуждаюсь, потому не волнуйся по этому поводу. Страдаю только об одном, что не могу (из-за дальности и незнания твоего точного адреса) помочь тебе материально. Страшно боюсь, чтобы ты не ощущала острой нужды. Буду, пока жив, прилагать все меры к тому, чтобы посылать тебе деньги.

Крепко, крепко целую и обнимаю. Будь здорова, береги себя. Не стесняйся в случае нужды продавать мои личные вещи. Будем живы — приобретем. Еще раз целую и обнимаю. Твой Иван.»

Еще в августе-сентябре 1941 года, когда немецкие части были далеко от Харькова, партийные органы и НКВД стали отбирать людей для работы в подполье. Планировалось создать подпольный обком и подпольные райкомы, в том числе четыре в Харькове. В связи с быстрым наступлением германских войск эта работа проводилась в спешке, и подпольщики не получили ни необходимой подготовки, ни должных материальных ресурсов. Отбор людей был проведен таким образом, что большинство из них по разным причинам не смогли (или не захотели) принять участия в антифашистской борьбе. После прихода немцев И. Бакулину и его помощникам пришлось буквально по крупицам восстанавливать подполье, налаживать связи, подбирать новых людей. К зиме 1942 года вокруг И. Бакулина сформировалось ядро подпольщиков — антифашистов, коммунистов и беспартийных. Секретари подпольных райкомов до войны, как и Иван Бакулин, были простые люди, ничем особенным не выделявшиеся. Антон Макарович Китаенко (кличка — «Трамвайчик») — работал мастером кондитерской фабрики «Октябрь», Игнат Павлович Синицин («Токар») — начальником цеха завода «Котлодизель», Илья Федосеевич Гаркуша («Кучум») — начальником конструкторского бюро завода ХЭМЗ, Александр Иванович Мотылевский — начальником отдела кадров конторы строительномонтажных работ станции «Основа». Сейчас даже трудно определить — по какому принципу их подбирали в секретари подпольных райкомов. Активно участвовали в подпольной работе связ-

ные Бакулина: Н.М. Даньшева, Е.С. Барановская, братья Першины, семья Омельченко и др. патриоты. Начал работать и подпольный обком комсомола во главе с А.Г. Зубаревым, П.А. Глущенко и Г.А. Никитиной.

Трагедия харьковского подполья разыгралась весной — летом 1942 года. Почти все подполье, за исключением И.Ф. Гаркуши и И.П. Синицина, было арестовано и погибло в застенках гестапо. Сам И. Бакулин был арестован в мае 1942 года — так указано в отчете харьковского обкома в ЦК КП(б)У в 1945 году или в июне 1942 года, как утверждают некоторые подпольщики. В тот день он должен был встретиться в сквере у Театральной площади с секретарем подпольного заводского райкома И.Ф. Гаркушей, однако на встречу не пришел. Скорее всего И. Бакулин попал в облаву. Почти одновременно с ним были арестованы и другие подпольщики.

Так возникла тайна гибели харьковского подполья. Сразу же после освобождения города Харькова органы НКВД по поручению обкома партии проводили расследование обстоятельств и причин гибели подполья. Но до конца его не довели. В уже упомянутом отчете обкома причина гибели подполья сформулирована так: «Основной причиной арестов подпольных работников и провала ряда подпольных организаций явилось предательство и допущенное нарушение правил конспирации. Из числа оставленных для подпольной работы в Харьковской области предателем оказался профессор сельскохозяйственного института беспартийный Михайловский Михаил Иосифович, владелец конспиративной квартиры т. Бакулина. Михайловский и его семья выехали с немцами...».

Конечно, кандидатуру на роль предателя Харьковского подполья обком подобрал идеальную. Профессор М.И. Михайловский — из бывших, в прошлом колчаковский офицер, перешедший со своей частью на сторону красных. Заведовал кафедрой математики, на которой работал И. Бакулин, был его научным руководителем. После прихода немцев активно сотрудничал с оккупантами, стал директором Восточно-украинского сельскохозяйственного института.

Веруя в его честность и порядочность, И. Бакулин предложил сделать квартиру Михайловского конспиративной и самому поселиться там. На этой квартире были спрятаны основные материальные ценности, переданные И. Бакулину хозяйственным отделом обкома. Что это за ценности? Это 10 тыс. советских рублей, 25 рублей золотом царской чеканки, несколько часов марки ЗИФ, несколько отрезков на костюм, обувь, 10 тыс. папирос и т.д. Большую часть этих средств и присвоил себе Михайловский. Он отказал Бакулину и в поселении. Парторг ЦК КП(б)У А.П. Коротун, побывавший в декабре в Харькове, сообщал в ЦК, что Нагорный (псевдоним Бакулина) «просто голодает. Продуктов у него нет, единственное, что он имеет — это немного

денег, и вынужден ходить по селам и обменивать на продукты».

Подлинная оценка Михайловского и его роли в гибели Харьковского подполья содержится в другом документе — предсмертном письме И. Бакулина товарищам. Написано оно в сентябре 1942 года в тюремной больнице тяжело больным И. Бакулиным и передано Елизавете Григорьевне — жене И.Ф. Гаркуши, которая носила ему передачи. Оно неоднократно, правда с пропусками, печаталось в советской литературе. Впервые полностью его привел в своей книге «Харків у часи німецької окупації», вышедшей в 2006 году, ученый историк А.В.Скоробогатов.

«...Две предсмертные просьбы к Вам, родные мои:

Когда придут наши, чему я верю беспредельно, расскажите им, что Харьковская подпольная организация погублена из-за дурака и негодяя Игнатьева Николая Михайловича. Вообще нас подвела крайняя материальная нужда, по сути голод ... помощь не была с того берега.

Лично меня обокрала семья почтенного профессора Харьковского института ... Михайловского Михаила Иосифовича, согласившегося дать мне приют и бессовестно отказавшегося при немцах регистрировать мой паспорт. Семья этих подлецов забрала почти все мои продукты и ценности.

Сию я в гестаповской тюрьме на Совнаркомовской улице (бывшая НКВД). Есть нам ничего не дают, кроме водянистой баланды (половник один раз в сутки), выживают те, кому носят передачи, остальные истощаются до предела.

Просьба к Вам: подкормите меня немного, если можете. Передачи принимаются ежедневно с 10 до 11 часов утра.

Что можно передавать:

Суп или борщ.

Чай или кофе.

Зелень.

Хлеб лучше крошить в суп, так как иначе все равно заберут полицейские.

...Осталось жить немного ... Мне хотелось пойти на расстрел не полутрупом, а бодрым бойцом. Лично Вам это ничем не угрожает. Вы случайные мои знакомые, которым я помогал зиюмо тащить санки с огорода...

БУРКУН ИВАН ИВАНОВИЧ».

Мы процитировали ту часть письма И. Бакулина (по документам Буркуна Ивана Ивановича), в которой говорится о причинах гибели Харьковского подполья. Надеемся, уважаемые читатели, вы догадались, какие строчки из письма вырезала советская цензура. Конечно же строки, посвященные Игнатьеву Николаю Михайловичу и отсутствию помощи с того берега. Кто же такой Игнатьев Николай Михайлович? Батальонный комиссар Игнатьев — старший инструктор политуправления Юго-Западного фронта, был в марте 1942 года как представитель ЦК КП(б)У, направлен в Харьков для активизации деятельности подполья. С И. Бакулиным в Харькове у него возник острый конфликт, в результате чего он сообщил в ЦК: «С Бакулиным поругался, отстранил его от руководства организацией. Руководство взял на себя». У нас нет данных о причинах ссоры Ба-

кулина и Игнатьева. Однако, по некоторым воспоминаниям, Бакулин был категорически против того, чтобы для приемки долгожданного груза с Большой земли, который должны были выбросить с самолета в районе Березовка — Пересечное, были направлены женщины-связные обкома. Бакулин считал это слишком опасным. Возражал он и против передачи на Большую землю списка членов подпольной организации. Однако, Игнатьев настоял на своем. Для приема груза были направлены Н.Н. Даньшева — связная И. Бакулина, радистка Лида, прибывшая в Харьков вместе с Игнатьевым, хозяйка конспиративной квартиры, где жил А. Китаенко — Полина Омельченко и дочь запасного секретаря подпольного заводского райкома М.Ф. Дубенко Неля Дубенко. Груз они приняли, но все четверо были арестованы полицией. Вскоре начались аресты подпольщиков. Был арестован Игнатьев, судьба его неизвестна. Погиб в гестапо А. Коротун — другой представитель ЦК. К сентябрю 1942 года, к тому времени, когда Бакулин передал письмо, из арестованных 29 марта женщин уже погибли П. Омельченко и радистка Лида; видимо, уже погибла и Н. Даньшева. Точно можно сказать, что в живых из четырех женщин осталась старшая дочь М. Дубенко — Неля Дубенко. На нее и пало подозрение в предательстве. Подозрение у подпольщиков вызвала одна из записок, свернутая в виде пробки в одной из пустых бутылок, которую Полина Омельченко возвратила матери, носившей ей передачи. Полина сообщила, что Неля Дубенко переведена на особый паек, получает хлеб с маслом и ест одна, высокомерно относится к другим арестованным.

Авторы книги «Верю беспредельно...» документальной повести о Герое Советского Союза И.И. Бакулине, изданной еще в 1981 году, сделали вывод: именно семнадцатилетняя Неля Дубенко не выдержала испытаний. Некоторые из оставшихся в живых подпольщиков указывали на мать Нели Дубенко, которая также была арестована с еще одной дочерью — пятнадцатилетней Верой Дубенко (всего в семье М. Дубенко было три дочери и годовалый сын).

Современный исследователь А. Скоробогатов пишет: «Недаром они оставили Харьков вместе с немцами... Кто виноват в том, что дрогнуло сердце матери, увидевшей страдания своих детей. Судьба этой семьи трагична. Мать и две старшие дочери оставили Харьков и судьба их неизвестна. Младшая дочь была отдана в детский дом и пропала. Умер и маленький годовалый сын М.Ф. Дубенко. Сам М.Ф. Дубенко был арестован и расстрелян».

Эти выводы Скоробогатова в целом соответствуют основной версии НКВД, расследование которой было прекращено. Мы попытались продолжить это расследование и занялись поисками семьи Дубенко.

Удалось выяснить, что живут их родственники в Петербурге, в Подмосковье и в Харькове. Проще всего было встретиться с харьковскими родственниками Дубенко. Далеко ходить не пришлось. В нашем университете работа-

ет профессор Басин Владимир Самойлович, жена которого приходится двоюродной сестрой (по отцу) сестрам Дубенко. Самое удивительное, что все три сестры были живы (по крайней мере до последнего времени). Что касается их матери — жены М.Ф. Дубенко, то она, не выдержав испытания, умерла еще в оккупации. Неля и Вера не покидали Харьков вместе с немцами (так утверждают их родственники). Как несовершеннолетние они были направлены в концлагерь на территории Германии и Чехословакии. После окончания войны Неля познакомилась с участником Французского сопротивления, тоже узником концлагеря Ремо, уехала с ним в Париж и жила там до последнего времени. У второй сестры — Веры — судьба сходная. После войны она с одним из бывших узником — чехом Юзефом осталась жить в одном из шахтерских городков Чехословакии. Сестры приезжали в 70-80 годы в Союз, в основном в Ленинград, где жила еще одна из двоюродных сестер Дубенко — Людмила. Третья сестра — Тамара — после детского дома жила и работала на Урале; сейчас живет где-то в Подмосковье. Конечно, сестры Дубенко и их родственники категорически отрицают свою причастность к провалу Харьковского подполья.

Даже в свете этих новых данных мы не отвергаем версии о виновности семьи Дубенко, девочки и их мать действительно могли не выдержать тяжелых испытаний. Но мы вновь и вновь возвращаемся к основному документу всей этой истории — предсмертному письму И. Бакулина, которое, на наш взгляд, содержит ключ к разгадке тайны гибели подполья.

Вновь и вновь задаем себе вопрос: почему И. Бакулин в письме назвал Игнатьева не только дураком, но и негодяем? Обозвать дураком можно человека, совершившего грубые ошибки, своим вмешательством, поставившим подпольщиков на грань провала. Но обозвать негодяем можно только тогда, когда человек намерено делал такие ошибки или совершил предательство. Игнатьев был арестован гестапо и судьба его неизвестна. Что еще знал Бакулин о деятельности Игнатьева, может о его поведении в гестапо, что позволило ему обвинить Игнатьева в предательстве? Ответа пока нет. Но мы уверены, что он существует.

О И. Бакулине в советское время написано немало книг и статей. Его именем названа улица в г. Харькове. В последние годы численность этих публикаций заметно поубавилась. В многотомной энциклопедии истории Украины о нем даже не упоминается, зато в ней не забыли украинских коллаборационистов и организаторов холокоста, осужденных всем мировым сообществом. В энциклопедии современной Украины он упоминается почему-то как «військовий» деятель второй мировой войны. Поэтому в этом очерке мы решили напомнить о подлинных героях Украины. Память о них нужна живым и мертвым.

Москалев Б.Г., проф. кафедры ЮНЕСКО
Москалева Н.П., директор музея истории
ХНТУСХ им. П. Василенко